

Дмитрий Веденяпин родился в Москве в 1959 году. Окончил Московский институт иностранных языков им. Мориса Тореза. Автор книг «Покров» (1993), «Трава и дым» (2002), «Между шкафом и небом» (2009) и «Что значит луч» (2010). Лауреат премии Союза писателей Москвы «Венец» (2004), Большой премии «Московский счёт» (2010), премии-стипендии Мемориального фонда Иосифа Бродского (2011).

Дмитрий Веденяпин Стакан хохочет, сигарета рыдает

Дмитрий Веденяпин

Стакан хохочет, сигарета рыдает

Дмитрий Веденяпин

Стакан хохочет, сигарета рыдает

Москва

«Воймега»

2015

УДК 821.161.1-1 Веденяпин

ББК 84 (2Рос=Рус)6-5

В26

Художник серии: Сергей Труханов

Д. Веденяпин

В26 **Стакан хохочет, сигарета рыдает.** — М.: Воймега, 2015. — 76 с.

ISBN 978-5-7640-0170-8

Книга издана при поддержке Алексея Коровина.

© Д. Веденяпин, текст, 2015

© С. Труханов, оформление, 2015

© «Воймега», 2015

* * *

Снег выпал и затих.
«Нет, весь я не умру»,
Немножко грустный стих
Кружится по двору..
Вот Лёва Бромберг, вот
Мы с ним хохочем, лёд
Блестит, и жизнь идёт..
Идёт, идёт и — ах,
И — оорс, и в ямку — бух
Под фонарём в слезах
Над вымыслом из букв.

2009

* * *

Автобус уехал, мы остались у входа в лес.
Было тихо, пахло цветами.
По шоссе процокал всадник — неужто без?
Так и есть! — улыбаясь плечами,

И пропал... И опять закружилось: чык-чык, фьють-фьють,
Зазвенело, ожило.
Мимо поля и луга идти было сорок минут,
Через лес — двадцать, тридцать от силы.

Мы пошли по шоссе мимо луга с далёкой козой.
Описанья бессмысленны — это понятно,
Как, допустим, Шаламов в Монрё, а Набоков в СИЗО.
Завтра едем обратно.

2009

Марк Шагал. «Окно на даче»

В прохладном центре белого пятна
Отчаянье, надежда, тишина —
Такая неслучайная развеска.

Спасибо... А теперь смотри: она
И ты, и вы сидите у окна —
Темнеет лес, белеет занавеска.

2009

* * *

Мои еврейские друзья
Живут в Америке не зря.
По бостонско-нью-йоркским дачам
Прилежно празднуя шабат,
Они обратно не хотят
Туда, где мы под снегом скачем
И с каждым днём всё меньше значим.
Кто это говорил? Житков?
России крышка без жидков.

2010

* * *

Зимний вечер.
Знаменитый диктор советского телевидения
выходит из аэропорта «Внуково»
и, как бы не замечая очереди,
ловко оттеснив каких-то мёрзнущих под снегом тёток, —
юрк! — садится в подъехавшее такси.

Много лет
этот мамин рассказ о прославленном дикторе
служил мне очередной иллюстрацией
общеизвестного факта
аморальности выдвиженцев советского режима.

Стоило этому диктору с его почти левитановским баритоном
появиться на экране,
я сразу же вспоминал эту историю.

Не знаю почему —
может быть, потому что с тех пор
я видел уйму неблагоприятных поступков,
совершённых самыми разными людьми,
в том числе мною самим
и даже — как ни прискорбно —
несгибаемыми борцами с лживой советской идеологией,
этот диктор,
несмотря на его бесспорно гадкое поведение,
сам по себе
не кажется мне
таким уж гадким.

Задумай кто-нибудь
(что вряд ли)
снять о нём «художественный фильм»,
главную роль мог бы —
увы, уже не мог бы —
сыграть артист Вячеслав Тихонов.

Изнанкой век
я вижу, как в тот вечер
он возвращается к себе домой,
в свою большую квартиру
с её просторной праздничностью
(это словосочетание требует пояснений,
но я — зря? не зря? — понадеюсь на читательскую интуицию)
и праздничным убожеством,
толстой необаятельной женой
и худеньким симпатичным сыном;
как, сидя за ужином,
в костюмных брюках и накрахмаленной белой рубашке,
густым поставленным голосом,
предусмотрительно убрав из него металл,
приберегаемый для зачитывания постановлений ЦК КПСС,
он рассказывает своим домашним о «загранице»,
окружённый уважением, заботой и,
вполне вероятно, любовью.

Потом он уходит в кабинет.
Над письменным столом,
за которым он, признаться,
почти никогда не работает,
предпочитая читать, да и писать лёжа на диване,
фотографии родителей
(простые открытые лица, отец красивее матери),
брата,
сестры

и его самого со всесоюзными знаменитостями:
вот он с хоккеистом Фирсовым
и председателем КГБ Андроповым
после финала чемпионата СССР в Лужниках;
вот съёмки «Голубого огонька»:
он сидит рядом с космонавтом Береговым,
за соседними столиками —
слегка разбавленные
орденоносными ударниками
и ударницами коммунистического труда
Лев Яшин,
Клавдия Шульженко,
Аркадий Райкин...

2010

Загадка

Две приметы-подсказки: трава
В лужах света из трещин
На асфальте растёт и листва —
Ну, ты скажешь! — трепещет.

Левитан говорит: «ГОВОРИТ...»
(Вот ещё две приметы:
Мойщик стёкол, зажмурясь, стоит
В колпаке из газеты.)

Миру — мир, голубике — дурман,
Зайцу — заячья капуста...
Так — во сне — говорил Левитан,
Наяву — Заратустра.

Так, стараясь не вляпаться в грязь
(А её там немало),
Мы по кладбищу ходим, смеясь
Как ни в чём не бывало.

Хорошо улыбаться весне,
Строить дачу и планы,
Знать отгадку и слушать во сне
Баритон Левитана.

2010

* * *

Во сне всё ясно: ключ в просвете,
И луч в замке,
И комнаты (уже не эти,
Ещё не те),

И стражница — глаза как блюдца,
Сама с быка...
Но разрешается проснуться
Пока... «Пока!»

2011

Упование сыроежки

Рой мух на падали шуршал, как покрывало...

Шарль Бодлер. Падаль

(пер. А. Гелескула)

В насекомых тучах зудья-нытья
С кузовком по ельнику я кружился,
Весь в жуках да мухах, как будто я,
Невзначай скопытившись, разложился.

Перевод есть образ и знак потерь,
Грустный символ поствавилонской эры.
Пусть антропоморфно я был теперь
Бойкой иллюстрацией к стихам Бодлера.

Как в любых блужданиях последних лет,
Поначалу казалось: спасения нет.
Но — хотя ни мох, ни тенёк, ни слизи
Не спасли вот этот конкретный гриб, —
Повторяя просековый изгиб,
Промелькнула бабочка из прошлой жизни.

И сказал сыроежковый Иезекииль:
«Вот я видел, как в плоть облекается гниль,
В чащах правды под ёлками греясь...»
Над болотом ясна и хмурилась мгла,
Между кочек в чернике, краснея, росла
Сыроежка, лучась и надеясь.

2011

В Риме

1. Экскурсия, или Как Мандельштам Тютчева поборол

Природа — сфинкс...

Ф. И. Тютчев

Вот там Бернини, это Борромини,
Вон пинии, верней, скульптуры пиний,
Колонны пальм и фейерверки птиц...
A destra, a sinistra или прямо —
«Природа — тот же Рим» из Мандельштама
Встречает вас... А Тютчев? Тютчев — цыц!

2011

2. Hôtel de Russie. Зал «Стравинский»

К. Г.

Актёры оживляют вещи:
Стакан хохочет, сигарета
Рыдает; пальто устало —
Невозможно почти сто лет ходить в героях,
Хотя висеть в углу, наверно,
Ещё грустнее.

Мы в ресторане, как в стакане,
Сидим, как добрые злодеи.
У Катерины Грациадеи
Есть дочь актриса.

Она играет в сериалах,
Стесняясь этого напрасно —
Известно, что она прекрасна,
И это классно!

Официант из Пакистана
Мне подаёт американо,
Все прочие из политеса
Берут эспрессо.

Однажды, заложив за ворот,
Мой друг сказал мне со значением:
«Рим — Вечный Город» с удареньем
На слове «город».

Чуть смутный смысл подобных жалоб
Мне ясен, но ещё яснее,
Что Катерина Грациадеи
Так не сказала б.

2011

3. Местоимения

— Скажи, ты с нами или с ними?
— Я в Риме.
— Смешно... А разве возвращаться
Ты не намерен?
— Поймите, сам вопрос, ragazzi,
Такой неверен.

— Поверь, ты в очень уязвимой
Позиции, дружок беспечный!
Ничто не вечно...
— Кроме Рима,
Который Вечный.

2011

В комнатах времени

Дверь приоткрыта.
За столом
спиной к несуществующему зрительному залу
сидят несколько (трое?) мужчин в белых рубашках.
Единственный смущённый зритель-сосед,
пробегая мимо по коридору,
вежливо отводит глаза,
но всё-таки успевает заметить
загорелые шеи,
и красивые,
что называется, благородные
мужские затылки,
и даже
то вспыхивающие, то гаснущие
в слоистой глубине по ту сторону стола
одухотворённые женские лица.
Да, кажется, одухотворённые...
Что там мелькает в комнатах времени?
Стихотворение?

2012

* * *

Однажды —
не то по случаю окончания мной института,
не то на какой-то Новый год —
баба Нюра
подарила мне
самый трогательный подарок в моей жизни:
пластинку Аллы Пугачёвой.
Невозможно без стеснения в груди
представить себе
бабу Нюру,
толкающуюся в магазине грампластинок
(неужели она ездила в «Мелодию» на Новый Арбат?),
не говоря уже
об очевидном непопадании
при очевидной же бабынюриной любви ко мне.
Любой поступок
глубоко верующего человека
обладает промыслительным значением.
Вот и сквозь эту историю
просвечивает надежда,
что наши,
то есть мои
бесконечные промахи
тоже, может быть,
кого-то растрогают —
хотя, конечно,
дело не в этом.

2012

Заветные сказки для детей и юношества

1. Сися и брюква

Были у матери три дочери:
Сися, Пися и Попа,
одна другой краше
и по хозяйству сноровистые.
Пошла как-то раз Сися в огород —
брюквы к обеду надрать,
глядь,
а на грядке добрый молодец без порток
лежит-похрапывает.
Обрадовалась Сися,
кинулась сестёр кликать:
«Ой вы, сеструшки-пеструшки,
бежите скорей за мной,
не пожалеее!»
Прибежали сёстры,
а доброго молодца нет как нет,
будто и не бывало.
Только тёмный лес за плетнём шумит
да птица-грач по земле прыгает,
червячков подбирает.
Пригорюнились сёстры,
да делать нечего —
воротились в дом,
уселись у окошка,
белыми рученьками головки подпёрли —
тут и сказке конец.

2012

2. По уши в дерьме

Пошёл пьяный мужик
в отхожее место
да и провалился в дырку.
Барахтается в дерьме,
а вылезти не может.
Орал, орал,
только глотку сорвал,
никто его не слышит —
все пьяные валяются.
Вдруг видит мужик,
будто в углу
кто-то ворочается.
Пригляделся —
а там
голая баба с хвостом.
Подплыл к ней мужик,
а она ему: «Мил-человек,
куды ж ты от меня рвёшься?
Али не по нутру тебе
моё царство?»
Растерялся мужик,
рот разинул,
а баба придвинулась поближе
и ласково так:
«Ладно,
помогу я тебе отсюдова выбраться,
но сперва
ты со мной
сам знаешь что
сделать должен.
Али брезгуешь?»

Вконец смешался мужик —
вроде и баба ничего,
да уж больно обстановка непривычная.
А наружу-то хочется —
эх, думает, была не была.
Кабы знал он, чем дело обернётся,
ни в жисть не согласился бы.
Шибко приглянулся он мерзкой бабе,
обманула она его:
не отпустила.
Так по сию пору
он с ней в дерьме и бултыхается.
Тут и сказке конец.

2012

Куст, власть и музыка

В серых отсветах утра
Один, как Пруст,
В смысле перст... — *Стоп, стоп, стоп!..* — Персть от персти...
Прекрати!.. — Хорошо, просто куст,
Но — «о жизни и смерти».

Куст яснее,
А в трубке отбой,
Писк и треск под давлением —
Железяке совсем ни на кой
Разговоры с растением.

Но приходит весна:
Март, апрель,
Май, рояль... — *Будь любезен!..* — Не буду!..
Всё-таки Рихтер есть Рихтер — в Москве ль,
В Переделкино, всюду.

2012

Марсель и Иоанн

М. М.

Одно дело, когда время утрачено, но есть,
а другое — когда его нет и не будет, —
изрёк доморощенный любомудр, то есть я,
и улыбнулся без всякого на то основания.

Справа, над страховочной сеткой,
летали воздушные гимнасты,
чуть выше — ещё кто-то,
но самое главное,
что ещё правее,
в чём-то вроде световой ямы,
висела квартира,
прекрасная, как на Таганке,
только без потолка.

Из неё призывно махали,
и время качалось
между «утрачено, но есть»
и «нет и не будет».
Марсель и Иоанн.

2012

Les pensées des gens différents

1. Поэты на «М»

На собрание нашей поэтической секции,
кроме меня,
пришло всего пять человек:
Мудозвонов, Мудильников, Мудякин,
Мудовиченко и Мудаков.
Бывает же такое,
подумал я,
и стал вспоминать,
какие ещё есть поэты на «М».
Вспомнил Маяковского и Мандельштама.
Вернувшись домой,
позвонил Зундилевичу.
Он назвал Монастырского, Милоша, Малларме
и тоже затих.
Жена сказала:
Михалков.
Можно было бы, конечно,
открыть справочник Союза писателей
или антологию Ахметьева и Лукомникова,
но я решил, что это неспортивно.
Уже ночью
вспомнил ещё троих:
Мильгона, Майкова и Маршака.
Кстати,
моя фамилия тоже начинается на «М»:
Мудь.

2012

2. Страдания Михаила Кулебякина

И. П.

Комар — еврей.
Скажу конкретней: жид.
Жид-кровосос с поганым длинным носом.
Казалось бы, какие тут вопросы —
Пойди и — schissen, schneller — всех убей.

Но на меня взглянул как на врага
Биолог Ваня и понёс про воду,
Чего-то там про фосфор, углеводы...
Короче, я не понял нифига.

Одно усёк: без комаров каюк
Конкретный нашей всей экосистеме.
А парень был, как говорится, в теме,
Учёный чижик, кандидат наук.

А вдруг и жид — подумал я тогда —
Жид-человек зачем-то тоже нужен?
Прибьёшь его, и будет только хуже...
Хотя какая польза от жида?..

Но с той поры какой-то мутотенью
Стал отзываться светлый идеал.
Не то чтоб сокрушил — поколебал
Основы моего мировоззренья
И навсегда нарушил мой покой
Иван Покровский, гнусный шабес-гой,
Своей биологической пургой.

2012

Фрагмент одного ночного разговора

А я тебе рассказывал, что я
Кронпринц, наследник инобытия
Почти в буквальном смысле? Между прочим,
Похожем на прыжок с шестом, когда...
Который час?.. — Ты хочешь спать?.. — *Я — да,*
А ты?.. — Я — нет. Так вот... — *Дай спать...* — Короче,
Шест под тобой сгибается в дугу,
Пружинит — и тогда, как принц... — *Угу...* —
Ты спишь?.. — *Угу...* — Ну, спи. Спокойной ночи.

2012

* * *

Раньше хватало простой пустоты.
Правда, как минимум десятилетней
Выдержки — время сжималось, а ты
Приподнимался стремительно.

Море пыталось синеть, зеленеть,
Даже казаться песчаным (во время прибою),
Но в основном, как рыболовная сеть,
Честно серело — стальное.

По абсолютно пустынному берегу шёл —
Сквозь, как положено, морось и северный ветер —
Узкий, как циркуль, старик, человек-богомол,
Наш прибалтийский ответ Джакометти.

В сказке он мог бы тушить-зажигать фонари,
Чёрный стручок на ступеньке бумажной зари...
Капли висели на соснах, сияя внутри.
Было как раньше.

2012

Вопросы литературы. Редукция 1

А. М.

— Поэт — это... Продолжи...

— Пожалуйста.

Поэт — это фантазмагорический идиот,
которому пару раз за жизнь удаётся
(или кажется, что удаётся)
освободить звуки из родной безначальной стихии,
придать им форму и т. д.

Занят он в основном собачьей чушью,

но опыт

(или предчувствие)

поэтических удач

(реальных или мнимых)

всегда с ним.

Сверхкомплектный житель света,

с душой, встрепенувшейся, как пробудившаяся курица,

он нередко пялится на мир,

о чём-то вспоминает,

уязвляется страданиями народными,

оплакивает мёртвых,

надеется и верит...

— Анекдот:

Рабинович, ваша жена вам изменяет. — Попрошу
без намёков...

— Н-да...

Возможно, всё уже случилось.

Мир изменил, как Рабинович Рабиновичу,
короче, сам себе.

Но это ничего не отменяет.

Вопросы те же:

кто виноват? Что делать?

И третий, самый главный:
где мои очки?
А, кстати, вот они — на полке,
там же, где зубы...
Так, о чём я?
— Наверное, о том, с чего ты начал.
— Да, конечно.

2012

* * *

Травка солнышком согрета,
В небе выются мошки,
Сверхкомплектный житель света
Ходит по дорожке.

— Мама, я люблю поэта.
Он — лицо с обложки, —
Говорит Горшкова Света,
Хлопая в ладошки.

— Ах ты, ягода-конфета,
Сахарные ножки,
Ты бы, Света, лучше, это,
Сжарила картошки.

Если б ты была дурнушкой,
Но с твоей мордашкой
Я б не связывалась, хрюшка,
С этим старикашкой.

Тоже мне нашёлся Пушкин...
Мама ищет спички,
В небесах толкутся мушки,
Бабочки и птички.

Хорошо горят листочки,
Съёжился портретик.
— Слава — дым и пепел, дочка,
Дым и пепел, Светик.

2012

* * *

Визави сказал: «Хи-хи!» —
Надо спрятаться в стихи.

Ленин жив: низы, верхи! —
Надо спрятаться в стихи.

Лену приняли в МАРХИ —
Надо спрятаться в стихи.

Что дарить? Цветы? Духи? —
Надо спрятаться в стихи.

Как? Профессор от сохи? —
Надо спрятаться в стихи.

Солнце село в лопухи —
Надо спрятаться в стихи.

Валуны, стрекозы, мхи —
Надо спрятаться в стихи,

Где, как в зеркале, видны
Мхи, стрекозы, валуны.

2012

* * *

Над пустой дорожкой в осеннем парке,
В qui pro quo измученной ноосферы
Тот же столб из воздуха, тот же серый
Тон, как там, на Горького, где «Подарки».

И как в песне Зыкиной, в смысле долго
Под балконом (ох, держись за перила!)
Тявкал грузовик, текла «волга»
И «победа» фыркала и пылила.

Николай Бердяев любил свободу,
Пушкин тоже, хотя иначе,
А Подгорный так говорил: «Задачи
Поставлены, цели определены — за работу, товарищи».

Вот и мы говорим: задачи, цели...
Брежнев с факелом, воздух свободы...
«Где охрана?» — как выкрикнул Квиллер... Смотрели
Лучший фильм всех времён и народов?

Почему никто ничего не помнит?
Ладно б только какие-то даты,
Или химию, или сумрак тех комнат,
Где мы жили когда-то...

2012

Бомж (*Christmas Carol*)

Вот ёлки в небо упираются,
А вот — светясь в другом окне —
Берёзы лысые качаются,
Темнея ветками сквозь снег.

Не то чтоб в доме никого,
Но даже сумерки — того,
Когда приходит Рождество,
В том смысле, что не ждут его.

Конечно, дело не в бомже.
Причём тут бомж, когда уже
Снежинки пляшут неглиже
И свет на каждом этаже.

Прекрасен дом, прекрасен лес,
Сугроб со свечками и без,
И Тот, кто умер и воскрес,
Ещё ребёнок... S.O.S.

7–10 января 2013
Лесной ручей

В Иерусалиме

К. Д.

1

Мы вышли из гостиницы с таким
Дурацким выражением на лицах,
Как будто это не Иерусалим,
А, я не знаю, Ницца.

Но очень скоро — дело даже не
В очкариках, кто с пейсами, кто в хаки,
Не в Кардо или Западной стене —
Нас окружили знамения и знаки.

На нас, по крайней мере на меня,
Легла ответственность — да-да, вот это слово.
Мне предлагалось стать большим и новым:
Прочней алмаза, горячей огня.

Как говорят в Одессе, чтоб я знал,
Откуда что берётся: сверху? снизу?
Письмо царю на «В», звонок, сигнал,
Короче говоря, еврейский вызов.

Нам подарили встречу и печать
В залог, что нам не сделаться одними
Из тех, кому не встретиться опять.
Забуду ли тебя, Иерусалиме...

2013

2

Хамсин, а не самум. В каких песках?
О чём ты говоришь — конечно, сами.
В широких шляпах, длинных пиджаках,
С печальными еврейскими носами.

Они идут в шабат сквозь этот мир,
Где всё разъято, смешано, разбито,
И тот, который светится из дыр,
Протёртых в этом наждаком иврита.

Само собою, там всегда шабат
И всё кошерно: каждая травинка,
Как здесь кошерны их походка, взгляд,
Молитвы, вздохи, бороды, ботинки.

Вот мимо нас они идут впотьмах
По улицам своим огнеупорным
В широких шляпах, длинных пиджаках,
Пылающих то золотым, то чёрным.

2013

* * *

Чтобы не остаться наедине
С тишиной внутри себя и вовне,
Потому что слишком большие волны,
А кораблик утлый, и лоцман — полный
Идиот, и скучно лежать на дне,
Капитан по имени Чан Суй Фай,
Чуть займётся утро, включал hi-fi.

«Звук подобен морю: прилив, отлив;
Тишина коварна, как мель, как риф», —
Поучал Чан Суй, и простые души,
Моряки, внимали ему, забыв
Обо всём на свете. Один Ван Чи,
Вежливо кивая, вставлял беруши,
Глядя, как на брызгах стоят лучи.

2013

Старые фотографии

Я хочу на «тот свет» прийти с носовым платком.
Ни чуточки меньше.

В. В. Розанов

Всё-таки очень трудно
представить себе рай.
Хотя
если постараться,
то можно.

Для начала
надо вообразить
абсолютно прекрасное самочувствие,
какое
последний раз
было у тебя, наверное, лет в шесть.
Нет! Ещё лучше.
Потом — родные.
Все живы-здоровы.
Сказано, что в Царствии Небесном
не женятся и не выходят замуж —
слава Богу! —
но про еду ничего не сказано.
Поэтому вполне можно представить,
что бабушка
стоит у райской плиты
(кстати, не так уж сильно отличающейся
от двухкомфорочной электроплитки,
которая была у нас в Александровке),
помешивая что-то райское
в райской кастрюльке.

Баба Нюра ушла в райский магазин.
Папа собирается на райскую работу.
Мама шьёт бабушке райское платье...
После обеда мама с бабушкой
читают,
устроившись под соснами
на широкой райской раскладушке.
День полон множества других райских чудес.

Вопреки расхожему мнению,
основанному
на неверно понятом библейском стихе,
время в раю
есть.
Естественно, не такое, как здесь.
То же касается и пространства.
Принцип трёх единств,
насильственный
и для земной драматургии,
в драматургии небесной
просто отменён.
Наши самые смелые представления о свободе
посрамлены.

Говорю это на тот случай,
если кто-то уже собрался
обвинить меня
в чересчур жёсткой режиссуре.
Мол, бабушке,
может быть,
совсем не хочется стоять у плиты,
а то и вообще быть бабушкой,
а папе — ходить на работу,
даже райскую.

Конечно, в раю
каждому дарована способность
находиться где угодно когда угодно.
В том числе
в разных местах одновременно.
А понятия возраста
там вовсе не существует.

Былое сбудется опять,
по-видимому,
вернее,
невидимому,
означает следующее:
главное прошлое —
единственное,
что тут
точно есть, —
станет частью того,
чего тут нет
и не может быть,
а именно
будущего
(в настоящем смысле этого слова)
или —
sub specie aeternitatis —
настоящего
(в будущем смысле),
которое —
представляй не представляй —
другое, другое, другое...

2013

* * *

Как свет под соснами, где ты и тут и там,
Как Фигаро, а то и Мандельштам,
Порхающий над эс-эс-эр, как слово
Над вещью... Там и тут, два мотылька,
Один — оттенка светлого желтка,
Второй — как небо: нежно-голубого.

«Вас к телефону», — говорит зола
Золе, и та встаёт из-за стола,
Под окнами сосед кричит: «Пошёл ты...»
Другому пьянице... Над клумбой у грибка
С песочницей кружат два мотылька:
Небесно-голубой и бледно-жёлтый.

И получается зелёный день, где там
И тут, и сразу весь Адам,
И даже то — вот сели, вот вспорхнули, —
О чём сейчас вот здесь и только здесь
Туда-сюда шьют солнечную взвесь
Два мотылька под соснами в июле.

2013

Тётя Дося

Не хочется банальностей и бредней.
Я помню полноту и доброту
И как она несёт пакет со снедью
На пляж... *Бульвар Французский весь в цвету.*

Из слов её я помню только лишь
Вот эти вот потом по телефону
Мне ахнутые: «Что ты говоришь?!»
И что-то вроде стоны.

Но это было позже, а тогда
Утёсов пел про *тоже патефончик*,
Мы пили чай, к которому всегда
Мне полагались сахар и «лимончик».

Был сахар сладок, а «лимончик» кисл.
Позавтракав, мы шли на пляж с пакетом.
И если в чём-то сохранился смысл,
То в этом.

2013

* * *

В прозрачной дымке на краю земли,
Как, может быть, сказала бы графиня
Ростопчина, взглянув в окно на синий
Еловый бор, мрачнейший вдали...

День угасает. У крыльца цветёт
Сирень какой-то чрезвычайно редкой,
Нездешней разновидности; в беседке
Темно. *Уже написан «Идиот».*

Сирень мерцает; соловьи гремят,
Захлёбываясь в собственных руладах...
Графиня медленно идёт по саду
Меж старых лип, любясь на закат.

2013

Памяти И. М. Смоктуновского. Царь 1

Всё дело в том, что дела нет ни в чём.
Есть человек и голос, говорящий:
«А ты, Аринушка, Миней б разогнула
Да житие святого Иоанна Ветхопещерника прочла бы мне».

Бояре, стольники, сокольничьи, собаки,
Конечно, тоже были, но не зря
Театр (*весь мир — театр*) тонул во мраке,
Свет был направлен только на царя.

И было всё понятно: Гамлет, князь
Мышкин, Юра Деточкин — вот доблесть
И честь... *Так образ входит в образ...*
Я весь спектакль сидел не шевелясь.

Тогда в Москве ещё существовал
Ряд крайне одиозных представлений
О том, что нужен Бог и важен гений...
Потом зачем-то дали свет на зал.

Наверное (как выражались встарь)
Рискуя показаться попугаем,
Я всё же проскриплю: у нас был царь-
Юродивый — и жизнь была другая.

2013

* * *

Вот они,
загорелые, сухопарые, улыбчивые,
распространяя эманации чистоты
(моральной и физической)
и духовной подтянутости,
выходят из стеклянных дверей
опрятного сельского магазина.
Закрепив пакеты с покупками на багажниках
своих статных горных велосипедов,
они открывают карту,
обсуждая что-то —
нет, я не узнаю язык —
по-датски? норвежски? нидерландски?..
Вероятно, это пара.
Ему — под семьдесят,
ей — немного за пятьдесят.
На обоих
высокие, явно очень удобные кроссовки,
светлые шорты,
светлые футболки,
тёмно-красные рюкзаки.

Андерсен, Амудсен, Брейгель и Кьеркегор
одобрительно кивают.

Маршрут определён.
Муж аккуратно складывает карту,
и они выводят велосипеды
на велодорожку.

Вот они,
живое воплощение и оправдание
европейской культуры,
уже в седле,
вот трогаются
и, набрав скорость,
исчезают за поворотом.

Остаются сосны,
пустое шоссе
в миражных солнечных лужах,
светло-голубое небо.

Я не спорю —
ислам тут
ни при чём.

2013

* * *

Как будто дождь, как будто дождь, как будто —
Всю ночь — шуршат страницы, льются слёзы.
Нет ничего реальнее «как будто»,
Не улыбайтесь, господин философ.

Не ночь, а Мунк: безумье, мрак и страсти.
С рассветом настаёт пора «как будто».
Тебя как будто нет, и тут же — здрасьте-
Пожалуйста — тыходишь. С добрым утром!

Нет, здесь уже не обойдёшься светской
Улыбочкой, как в тускловатом зале
Недорогой гостиницы со шведским —
Buffet — столом и розой на рояле,

Которая ни очно, ни заочно
Не заблагоухает — это точно.

2013

* * *

Вокруг стоят громады
Домов — живи, трудись.
А жители не рады —
Бредут понурившись.

В весенней светлой мути
Район что твой гауоп,
Но «Путин», «Путин», «Путин»
Летит со всех сторон.

Так кто мы и откуда,
Когда от всех тех лет
Остался призывок чуда,
А Германа всё нет?

2014

* * *

Тук-тук.
Кто там?
Шар букв.
Я сам
шар букв,
звук, знак.
Тук-тук.
Чик-трак.

2014

* * *

О. М.

— Сегодня солнце, — объявляет он. —
Я вам накрою на балконе.
Оттуда весь залив как на ладони.

— Конечно, — говорю, — спасибо, Джонни...

Приятный сон.

2014

* * *

Вот дядя в кепке с бородой седой,
Вот бабушка в платке с кривыми ножками,
Вот юноша высокий, краснощёкий...
И что всё это значит? Только то,
Что я иду по улице *в пальто*
Из драпа, сдержанный... и кстати
Теперь навстречу школьники — ха-ха,
Хи-хи, ха-ха, и вдруг один: «Тиха
Украинская ночь...» Эх, тёти, тяти...

2014

* * *

...My running around is through,
I fly to you...

*Lionel Bart
From Russia with Love**

Я возвращался — комната ждала.
Я это знал. Бессмысленная радость
Плескалась в ней и в зеркале стола
Качалась

С деревьями вниз головой, с овцой
Взъерошенного облака, с высокой
Дневной луной, сапфирной стрекозой,
Серебряной осокой.

Откуда стрекоза? А как вам пол
В смарагдах, хризопразах, сердоликах?
Хрустальное окно? Жемчужный стол?
Алмазный потолок в глазках и бликах?

Я видел небо как бы из стекла
И озеро в тоске нелицемерной.
Я взял такси. Она меня ждала.
Любовь безмерна.

2014

* Мои странствия окончены, я лечу к тебе... —
Л. Барт. «Из России с любовью».

* * *

Старушка за восемьдесят —
землистые щёки,
«гробовой» платочек, очки
с какими-то неправдоподобно толстыми стёклами —
едет в метро.
В руках глянцевый журнал.
Вся с головою в чтение уйдя,
она штудирует
«Звёздные секреты стройности
от Виктории Боня».
Ещё лет десять назад
я бы недоумевал.
Сейчас я её понимаю.

2014

* * *

Е. Л. Ш.

Из жёлтого шара чёрных блестящих букв
В голубоватый куб белого снега.
Он идёт по двору. Слышно «хруп-хруп» —
Снег скрипит, как намазаная телега.

Я смотрю на его андеграундный модный тулуп,
Диссидентскую бороду, облачко пара...
Вот тебе и советская власть, вот тебе и «хруп-хруп»,
Вот тебе и сансара!

2014

* * *

Что делать, чтобы не стареть? —
Подумал человекодед.
Пореже в зеркало смотреть, —
Подумали ему в ответ.

За этакий совет халиф
Визи́ря, сиречь визи́ря,
Наверное б убил, вспылив,
И, между прочим, очень зря.

По существу советчик прав.
Зеркальный космос слишком пуст.
Об этом знал кошмарный граф
Из первых уст.

2014

Воздушный шар

То выше подлетал, то ниже
Спускался шар.
Нам подарили ночь в Париже
На рю Муфтар.

Потом он дёрнулся, а после,
Пропев «уа»,
Скукожился, чтоб я, как ослик
Иа-Иа,

Хранил тебя, моя слепая
Ночная ню...
Как ты белеешь, засыпая...
И я храню.

2014

* * *

Дениска Кораблёв в витрине
С обложки пялится в окно.
В одном саду посередине
Стояло дерево одно.

Как говорил товарищ Сталин,
Размяв щепотку табаку:
«Не то чтоб мы его познали,
Но откусили по куску».

Не всякая душа потёмки,
Внутри иных светло как днём.
Ушанок мёрзлые тесёмки
Стучат о кружки с кипятком.

Война и мир. Цветёт сурепка,
Картошка морщится в золе.
Лев Яшин поправляет кепку,
Готовясь обыграть Пеле.

Везёт, когда в колодце света
Ещё один, за глубиной
Другая, та, что глубже этой
Прозрачной, солнечной, сквозной.

— Гурджиев — справа, третий с краю,
С усами... — Поздно, я пойду...
Сосна скрипела, расширяя
Сознание в одном саду.

2014

* * *

Пусть всегда будет небо,
Пусть всегда будет мама...
Костя Баранников — Лев Ошанин

Казалось в детстве, что актёры
Такие, скажем, как Никулин
Или, допустим, Смоктуновский,
Не могут умереть —
А как же они умрут,
Когда на них все смотрят?..

Вот он стоит на сцене или в цирке
Или в кино ест, бреется, смеётся...

Короче говоря, начало лета,
Окно открыто. Солнце, небо, мама,

И радио выводит: «Пусть всегда...»

2014

* * *

Т. М.

Люблю свои стихи за их прозрачный свет,
Который в них — тьфу-тьфу — присутствует, поскольку
Не будь его, и их бы не было — о, нет! —
А был бы стыд-позор — и только.

А с ним они что пень, сухие вопли рук
В позднеапрельскую истому
Простёрший, мол, прощай, всё кончено — и вдруг
Зазеленевший по Толстому.

Нерукотворный пень стоит в пустом лесу,
Высоких зрелищ зритель, брат и тотем,
И первый жук блестит над ним, как су,
Монетка в смысле, бог с ним, с самолётом.

2014

* * *

Когда мне говорят «начало века»,
Я думаю про тот, конечно, век,
Где Блок на фоне университета
Идёт сквозь мягкий довоенный снег.
Потом, конечно, лето, музыканты,
Люстриновые пиджаки,
Пригорки, звонкий смех, излучина реки,
Домашние спектакли, фанты.
Потом Сиена, Прага, Гейдельберг,
Монмартр, «Ротонда», Бакст, Шагал, Нижинский,
Кандинский, Добужинский и Стравинский
(На нём единственном тёмно-лиловый фрак),
Малевич, Ходасевич, Пастернак.

2014

* * *

Я хотел бы не понять,
Но случайно взял и понял.
Понял и пошёл гулять.

На небесно-синем фоне
Лес шумел со всех сторон.
Сосны, подавляя стон,
Ограничивались скрипом,
Зеленели, золотясь,
Вышелушивая связь
Между знанием и всхлипом.

2014

Бабочка

Нельзя не признать,
что в последнее время
биология
в техническом отношении
шагнула далеко вперёд.
Например, в распоряжении учёных,
изучающих бабочек,
сегодня имеются
крохотные радиопередатчики,
которые крепятся к тельцу насекомого
и нисколько —
во всяком случае,
по утверждению изобретателей —
не мешают полёту.

Разумеется, в шестидесятые годы прошлого века
ни о чём подобном не могло быть и речи,
так что моему дяде энтомологу
приходилось по старинке
помечать свои «объекты»
обычной несмываемой краской.

Вдохновлённый дядиным примером,
я однажды поймал
залетевшую к нам на террасу
шоколадницу
и тоже пометил её,
нарисовав у неё на спинке
корявую «А»,
начальную букву названия деревни,
где родители снимали дачу.

Согласно данным энтомологических исследований
шоколадницы живут до полугода
(с мая по октябрь)
и в отличие от других видов,
ведущих более или менее «оседлый» образ жизни,
свободно мигрируют
по всей Голарктике.
Однако *моя* бабочка
оказалась домоседкой.
Тем летом я видел её
ещё несколько раз —
на участке около дома
и снова на террасе:
присев на нашу марлевою занавеску,
она — как мне показалось —
дружески и чуть ли не заговорщицки
помигала мне
своими прекрасными тёмно-оранжевыми крыльями.

Вчера, сорок семь лет спустя,
в лесу, на пронизанной солнцем просеке
неподалёку от эстонской деревни Кясму,
за тысячу двести километров
от подмосковной Александровки
я опять встретил свою бабочку.
Конечно, она уже не та:
поседела и летает не так стремительно,
но ошибиться я не мог —
детскую кривобокую «А»
ни с чем не спутаешь.

Я не питаю иллюзий.
Нелепо было бы ожидать,
что хоть кто-нибудь
воспримет мои слова всерьёз.

К тому же у меня нет доказательств.
Подозреваю, кстати, что, даже
если бы доказательства
(скажем, фотографии)
существовали,
они всё равно никого не убедили бы
просто потому,
что Такого Не Может Быть.

Между тем это чистая правда,
только не обыденная,
ничтожная
и, по сути дела, никому не нужная,
а настоящая:
сияющая и неприступная,
такая,
в которую невозможно поверить.

2014

Монтрё-Палас — Монтрё-Кларанс

Мне в моём Монтрё
Никогда не тесно,
Как сказал когда-то,
Взмахнув сачком,
Ésgívaín Владимир,
Срываясь с места
Встречи бабы с бабочкой,
Нет, неба с озером,
Нет, папы с мальчиком,
Нет, та-та с та-та-та,
Жучка с сучком.

2014

Послушные дети

Чем одарённее человек,
тем монументальнее чушь,
которую он порет.

Заворожённые *мощью*,
подавленные *суггестией*,
сбитые с ног ударной волной
непреходящей ценности
и неисчерпаемой глубины,
мы (человечество)
из века в век,
из тысячелетия в тысячелетие
повторяем
как бы высеченные в камне
Глупости Великих Людей.
Собственно,
в постижении,
а точнее сказать,
запоминании
этих глупостей
по большей части и состоит
наше гуманитарное образование.

Надо отдать нам должное:
мы оказались добросовестными учениками
и на редкость послушными детьми,
никогда не нарушающими материнского запрета
из популярной советской песенки.
Помните?

*За окошком свету мало,
Белый снег опять валит,
И опять кому-то мама
Думку думать не велит.*

2014

Возвращение Одиссея. Царь 2

По городу идёт Никулин.
Его никто не узнаёт.
Ведь в фильме-то он не Никулин,
А, так сказать, наоборот,
Обыкновенный дядька в кепке —
Как все, безвестен-безымян, —
Народ Народоыч, между тем как
Он царь и, если б не туман
В башках, его и наших, мы бы
Дотумкали уже давно,
Что он, как говорится, прибыл
Домой в кино и не в кино.

2014

Внезапный ливень в лесу

Я оглянулся — никого.
Бескомпромиссный фокус с ливнем.
И ветром. Чем не Во? Что — «во»?
Не что, а кто — конечно, Ивлин.

It's raining, — вот как пишет Во,
И вот уж мы как будто сами
В кирпичной Англии его,
Задрапированной дождями.

Однако лес не то что паб,
Где, как сострил всё тот же Ивлин,
Едва присел: «Good morning» — ап! —
А за окном уже good evening.

Нет, тут и Во, скорей всего,
Не стал бы важничать и даже
Бросать под дождь свои бонмо,
От силы протянул бы: «Oh»,
Мол, that's some rain — а что тут скажешь?

2014

Перечитывая Винни-Пуха

Мы шли вокруг пруда, и я упал в нору
Пространственно-сердечно-временного
Континуума, где, как в сумке кенгуру,
Затих ещё одним не Крошкой Ру.

Количество и качество чужого
Сравнимо только с градусом вранья.
Я тоже врал и, к смерти не готовый,
Дрожу теперь в кармане бытия.

2014

* * *

Магазин канцелярских товаров.
Он же писчебумажный,
В первом — как сказали бы раньше —
Этаже двадцатидвухэтажной
Башни...
Облака и троллейбусы
Входят наездом, наплывом
К авторучкам и тубусам,
Циркулям, скрепкам, чернилам...
На счастливом проспекте
(Счастливым? Конечно, счастливым)
Тишина, пустота... Комары
В сосняке над обрывом.

2014

Вопросы литературы. Редукция 2

«Это — круто налившийся свист,
Это — щёлканье сдавленных льдинок,
Это — ночь, леденящая лист,
Это — двух соловьёв поединок...»

Так было раньше,
а сегодня
лирическое стихотворение —
краткое высказывание по делу.

Это честнее,
но скучнее.

Поэтому я предлагаю так:
поэт подходит к микрофону.
Уютный зал
(тысяч на десять —
хотел написать «на сто»,
но подумал, что это уже неудобно
и отдаёт антиутопией)
замер в ожидании чуда.
Стихотворение...
Впрочем,
если на поэта
пришло столько верящих в чудо,
остальное почти не имеет значения.

А вот если всё так,
как на самом деле,
то есть в душноватом зальчике
сидят тридцать, ну, пятьдесят,

хорошо, пусть даже сто пятьдесят человек,
не ждущих от стихов
ничего особенного,
что тогда?
Что должно произойти,
чтобы сердца собравшихся
исполнились восторга и благодарности?

Нас долго учили,
что настоящее искусство
не даёт ответов,
а только ставит вопросы.

Наверное, когда-то
этого было достаточно,
но сегодня
с вопросами и так всё в порядке,
а вот с ответами
полный швах —
слишком глубоко погребены они
под завалами
нашей несчастья.

Надо разгрести завалы.

«Где трудна работка,
Там визжит лебёдка...»

Орфей спускается в ад.

Собственно,
история этого путешествия
и есть архетипический сюжет
самых непридуманных русских стихов...

Орфей подходит к микрофону.

Раздаётся выстрел:
«счастья краткий выстрел»,
как будто где-то далеко-далеко
лопнула банка с эфиром.

Ответы у каждого свои.

Завалы общие.

2014

* * *

Извините за то,
Что я к вам обращаюсь,
Просто я долго ль, коротко ль
Развоплощаюсь.

Это я не к тому,
Чтобы вас тут разжалобить, просто
Есть такая история,
Братья и сёстры:

Обруч плыл золотой
По морям без конца и начала,
А одна черепаха всплыла и слепой головой —
Бац! — в него-то как раз и попала.

Да... О чём это я?..
Вот забыл, извините, конечно...
Вспомнил! Льётся фарфоровый свет
На бесхозные вещи,

Осенья террасу, сарай,
Озаряя дорогу..
Так что ад — тоже, может быть, рай,
Слава Богу.

2014

Содержание

«Снег выпал и затих...»	3
«Автобус уехал, мы остались у входа в лес...»	4
Марк Шагал. «Окно на даче»	5
«Мои еврейские друзья...»	6
«Зимний вечер...»	7
Загадка	10
«Во сне всё ясно: ключ в просвете...»	11
Упование сыроежки	12
В Риме	
1. Экскурсия, или Как Мандельштам Тютчева поборол	13
2. Hôtel de Russie. Зал «Стравинский»	13
3. Местоимения	14
В комнатах времени	16
«Однажды...»	17
Заветные сказки для детей и юношества	
1. Сися и брюква	18
2. По уши в дерьме	19
Куст, власть и музыка	21
Марсель и Иоанн	22
Les pensées des gens différents	
1. Поэты на «м»	23
2. Страдания Михаила Кулебякина	24
Фрагмент одного ночного разговора	25
«Раньше хватало простой пустоты...»	26
Вопросы литературы. Редукция 1	27
«Травка солнышком согрета...»	29
«Визави сказал: «Хи-хи!»...»	30
«Над пустой дорожкой в осеннем парке...»	31
Бомж	32
В Иерусалиме	
1. «Мы вышли из гостиницы с таким...»	33
2. «Хамсин, а не самум. В каких песках?..»	34
«Чтобы не остаться наедине...»	35
Старые фотографии	36

«Как свет под соснами, где ты и тут и там...»	39
Тётя Дося	40
В прозрачной дымке на краю земли...»	41
Памяти И. М. Смоктуновского. Царь 1	42
«Вот они...»	43
«Как будто дождь, как будто дождь, как будто...»	45
Вокруг стоят громады	46
«Тук-тук...»	47
«Сегодня солнце, — объявляет он...»	48
«Вот дядя в кепке с бородой седой...»	49
«Я возвращался — комната ждала...»	50
«Старушка за восемьдесят...»	51
«Из жёлтого шара чёрных блестящих букв...»	52
«Что делать, чтобы не стареть?..»	53
Воздушный шар	54
«Дениска Кораблёв в витрине...»	55
«Казалось в детстве, что актёры...»	56
«Люблю свои стихи за их прозрачный свет...»	57
«Когда мне говорят «начало века»...»	58
«Я хотел бы не понять...»	59
Бабочка	60
Монтрё-Палас — Монтрё-Кларанс	63
Послушные дети	64
Возвращение Одиссея. Царь 2	66
Внезапный ливень в лесу	67
Перечитывая Винни-Пуха	68
«Магазин канцелярских товаров...»	69
Вопросы литературы. Редукция 2	70
«Извините за то...»	73

Дмитрий Веденяпин. стакан хохочет, сигарета рыдает

редактор: А. Переверзин

художник: С. Труханов

корректор, технический редактор: О. Тузова

издательство «Воймега»
voymega@yandex.ru
alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 3.04.2015.
Формат издания 60x90/16. Усл. печ. л. 4,75
Тираж 500 экз.